
Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России¹

В.И. ЗВЯГИНЦЕВ*, М.А. НЕУВАЖАЕВА**

***Звягинцев Василий Иванович** – кандидат психологических наук, исполнительный директор, Союз комплексного проектирования и землеустройства сельских территорий. Адрес: 115419, Москва, 2-й Рощинский пр., д. 8. E-mail: zvi@goszempromekt.ru

****Неуважаева Мария Андреевна** – консультант, Ernst & Young LLC. Адрес: 115035, Москва, Садовническая наб., д. 77, стр. 1. E-mail: m.neuvazhaeva@gmail.com

Цитирование: Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. (2015) Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of “Counter-urbanisation” in Modern Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101–135 (in Russian)

В данной работе представлен критический анализ процесса обратной миграции из городов в сельскую местность в России. Целью исследования являлось определение мотивации миграции городского населения, оценка условий для такой миграции, а также выявление ее последствий для социальной организации села. Переселенцы в сельскую местность не являются однородной группой: одних «выталкивает» город, других «притягивает» село; одними движут сугубо экономические причины переезда, другие мигрируют по идейным основаниям. На основе интервью с переселенцами из города в сельскую местность составлена их типология, систематизированы аргументы, которыми переселенцы обосновывают свое решение.

Для определения потенциала миграции горожан в сельскую местность был проведен опрос горожан по российской репрезентативной выборке (N=1000). Удалось выяснить, при каких условиях и сколько горожан готовы покинуть город, какова доля тех, кто хотел бы в случае переезда работать в сельском хозяйстве. Кроме того, на основе опроса

---

¹ Статья написана при поддержке РФГФ (№ 12-23-08001).

экспертов были определены группы, наиболее склонные к переезду в село: городские безработные, уволенные силовики, молодые пенсионеры, жители моноотраслевых городов, недавно ставшие горожанами бывшие сельяне. Опрос этих групп (N=300 в каждой группе) позволил сравнить готовность к переезду обычных российских горожан и тех, кого эксперты назвали наиболее вероятными участниками обратной миграции, их требования к условиям переезда.

Наши данные свидетельствуют о высоком потенциале миграции горожан в сельскую местность. Однако реализация этого потенциала зависит от того, какие ресурсы государство готово выделить на развитие сельских территорий. Проблема «обезлюдения» села имеет решение, но не в духе компании по искусственному заселению села горожанами, а в рамках активной аграрной политики и кардинального изменения условий жизни в сельской местности.

Ключевые слова: обратная миграция, сельская местность, переселенцы, мотивы, последствия обратной миграции, городские беглецы, пенсионеры, качественная жизнь, участники программ поддержки переселения, сельско-городские сообщества

Введение

В XX в. произошел стремительный рост городского населения, и XXI в. эту эстафету подхватил. По прогнозу Организации Объединенных Наций, к 2050 г. 70% населения земли будет проживать в городах (по сравнению с 29% горожан в 1950 г.) [United Nation 1969]. Однако в последние годы наблюдается тенденция, когда горожане переселяются в сельскую местность на постоянное место жительства. Речь не идет о прилегающих к мегаполисам деревнях или дачах, куда люди приезжают на выходные. Переезд в данном случае – это осмысленное решение начать жить и работать в сельской местности.

Разумеется, количество таких случаев невелико, и статистика этот процесс не фиксирует. Мы также не будем судить о количестве таких переселенцев, наша задача – прояснить качественные характеристики миграции горожан в село. Какие обстоятельства и мотивы подталкивают их к принятию такого решения? Чем они руководствуются при выборе территории для переселения? Как складывается жизнь городских переселенцев и их взаимоотношения с сельскими жителями? При каких условиях переезд горожан в сельскую местность может стать массовым? Важно оговориться: мы не рассматриваем приток в село иностранных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья; в нашем исследовании речь идет исключительно о миграции российских граждан из города в село.

Обратная миграция: что говорят известные нам исследования

В классической социологии распространена традиция противопоставления города и деревни как разных стилей и образов жизни. Еще в 1902 г. Георг Зиммель пытался провести сравнительный анализ ментальной и духовной жизни мегаполиса и малого города. Мегаполис представлялся как сложная система, где экономия де-

нег, времени, пространства, а также бесчувственные социальные отношения, при-
тупленность ума и пунктуальность тесно переплетены между собой. По мнению
Г. Зиммеля, для мегаполиса характерны [Simmel 1995]:

1) постоянная смена образов и впечатлений («интенсификация эмоциональ-
ной жизни» [Simmel 1995, p. 11]);

2) интеллектуальный характер духовной жизни;

3) нарочитость во всем;

4) статус центра денежной экономики;

5) сочетание формального правосудия и жестокости;

6) постоянный контроль и отсутствие времени;

7) инстинктивное недоверие людей друг к другу;

8) закрытость и изолированность внутренних социальных отношений.

В то же время житель мегаполиса обладает моральной свободой, широкой
сферой интересов и мнений.

В эпоху глобализации крупные города конкурируют за право стать не про-
сто центром национального значения, а «глобальным городом», связывающим все
акторы мировой политики и экономики, при этом «глобальные города» являются
своеобразными мостами между глобальными процессами и ежедневными рутин-
ными практиками обычных жителей [Sassen 2001].

Примерно 40 лет назад в Соединенных Штатах Америки начался процесс об-
ратной миграции населения из высокоурбанизированных территорий в сельскую
местность (*couterurbanisation*), что было довольно неожиданно и вызвало бурную
дискуссию [Alexandersson, Falk 1974; Berry 1976; Champion 1992; Fielding 1989].
Доля сельского населения увеличивалась, причем не за счет рождаемости, а за счет
миграции горожан. По словам Берри, одного из основоположников изучения этого
явления, «... переломный момент настал в жизни Америки. Обратная миграция за-
менила урбанизацию в качестве доминирующей силы в формировании националь-
ных житейских предпочтений» [Berry 1976, p. 17].

В классических работах Берри и Филдинга под обратной миграцией понима-
ется географическое перемещение населения из города в деревню – «деконцен-
трация» [Berry 1976] или «децентрализация» [Fielding 1989, p. 1]. Одновременно
с этим Контули, Виард и Фогельзанг в своей статье об обратной миграции в Фе-
деративной Республике Германия утверждают, что исследователи должны разде-
лять процессы городской децентрализации и обратной миграции [Kontuly, Wiard,
Vogelsang 1986]. Децентрализация относится к миграции населения из столичных
центров в периферийные районы, таким образом расширяя городскую террито-
рию; а обратная миграция направлена именно в сторону сельских районов.

Позже К. Митчелл [Mitchell 2004] в фундаментальной статье «Понимание об-
ратной миграции» акцентировал мысль, что обратную миграцию надо понимать
не только как физическое перемещение в пространстве (из города в село), но и как
изменение в осознании себя и своих предпочтений. Он представил три различных
формы обратной миграции. Первая форма – «эксурбанизация» – означает переезд
городских жителей в сельскую местность недалеко от городского центра. Такие
переселенцы, как правило, имеют прочную связь с городом из-за основного места
работы, круга общения, нежелания терять прежний (городской) уровень комфорта
[Short 1978]. Вторая форма – «подмена урбанизации» – характерна для тех пере-
селенцев, которых «вытеснил» город (отсутствие работы, высокая стоимость про-
живания в городе и др.). Третья – «антиурбанизация» – объединяет людей, которые

принципиально отвергают городской уклад жизни и все, что с ним связано, и хотят жить и работать в сельской местности на постоянной основе. Таким образом, выделив три типа, К. Митчелл попытался структурировать многогранное понимание обратной миграции в западной теории.

Но тут встает вопрос определения границ города и села. Первая официальная попытка дифференцировать сельские и городские районы на статистическом уровне была предпринята в 1964 г. на Конференции европейских статистиков. На тот момент были выделены три типа районов: сельские, поселковые и городские [United Nations 1969]. Для отнесения территориальной единицы к тому или иному типу были выделены шкалы измерения по таким характеристикам, как уровень экономического и промышленного развития территории, плотность популяции, географическая удаленность от городов и городских районов [Haas 1990]. Однако универсального определения нет и быть не может [Stockdale 2006]. Каждая страна с учетом особенностей национальной переписи и социально-экономической ситуации сама выбирает те характеристики, по которым определяются границы городских территорий [Bealer, Willets, Kuvlesky 1965; Falk, Pinhey 1978; Gilbert 1982].

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в России в 154 тыс. сельских населенных пунктах проживали более 37 млн чел., что составляло 26% населения страны. При этом 40% всех сельских поселений России представляют собой населенные пункты, где проживало менее 10 чел.²

Среди стран с переходной экономикой Россия является одной из самых урбанизированных; близкие показатели сельского населения – в Чехии (26,4%) и Болгарии (29,7%) (в среднем за 2000–2010 гг.), а наибольшая доля сельского населения в странах с переходной экономикой – в Кыргызстане (64,1%), Молдове (57,1%), Боснии и Герцеговине (52,9%) [Гимпельсон, Капелюшников 2014, с. 509]. Россия по доле сельских жителей близка к США (26%), но там лишь 7% американцев, проживающих в селе, заняты в сельском хозяйстве, остальные работают в сфере услуг [Residents of Farms and Rural Areas 1993], в России же доминирует модель: «живешь в деревне – занимаешься сельским хозяйством». Кроме того, около 10% сельского населения официально занимаются личным подсобным хозяйством, не говоря об обширном секторе теневого аграрного предпринимательства [Нефедова 2003].

Эффективность обратной миграции

Сторонники обратной миграции подчеркивают ее позитивное влияние на социально-экономическую организацию сельских районов, особенно в период демографического и экономического упадка [White 1990; OECD 2006]. Исследователи отмечают, что переселенцы в основном представляют собой квалифицированных работников, профессионалов в своей сфере, работников с управленческими навыками и самозанятых работников [Paniagua 2002; Cloke, Thrift 1990; Marsden 1993; Hoggart 1997]. Бывших горожан квалифицируют как «мобильных профессионалов... с предпринимательским поведением» [Keeble, Nachum 2002, p. 74].

² Социальный атлас Российских регионов // <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/#density>.

Многие ученые подчеркивают, что переселенцы становятся новыми экономическими субъектами, которые привносят разнообразный капитал и поток новых идей по реконструкции малоподвижного сельского хозяйства [Bosworth 2010; Stockdale 2006; Murdoch 2000]. Благодаря обратной миграции растет и несельскохозяйственная занятость на селе: развиваются финансовые и рекреационные услуги, создается коммуникационная и транспортная инфраструктура и прочее [Chell, Baines 2000; Ray 2006]. Высокообразованные специалисты из города повышают уровень образования и здравоохранения, улучшая социальную сферу села [Champion 1989]. В докладе ОЭСР за 2006 г. отмечается, что появление новых рабочих мест в селе связано именно с обратной миграцией [OECD 2006, p. 31].

Особым вниманием у западных исследователей пользуется группа переселенцев предпенсионного и пенсионного возрастов [Moen, Fields, Quick, Hofmeister 2000; Hugo, Bell 1998]. Благодаря накопленному профессиональному опыту, пожилые люди чаще достигают успеха в своих бизнес-проектах, чем молодые [Loretto, White 2006]. Установлено, что один пенсионер-переселенец в США создает 0,5 рабочих мест в сельском поселении [Serow 2003]. Кроме того, пожилые люди активно участвуют и в деятельности общественных и волонтерских организаций [Moen, Fields, Quick, Hofmeister 2000].

Осознавая выгоду от обратной миграции пенсионеров и людей предпенсионного возраста, власти некоторых стран поощряют их переезд в сельскую местность: например, в Японии правительство предлагает городским пенсионерам переселяться на свободные земли на северном острове Хоккайдо [Murakami, Gilroy, Atterton 2009], а в некоторых штатах США и в Финляндии разработаны программы поддержки тех пенсионеров, которые добровольно переедут на отдаленные сельские территории [Reeder 1998]. Тем самым стимулируется выход сельской местности из стагнации [Bosworth, Atterton 2012] и «разгрузка» городов [Cross 1990; Hoggart 1997; Frey, Johnson 1998].

Критика обратной миграции

Но обратную миграцию рассматривают не только со знаком «плюс». Некоторые авторы отмечают, что горожане усложняют жизнь местному населению: они выстраивают элитное жилье в сельской местности, обращая местных жителей в прислугу, и само по себе строительство элитных домов с высокими заборами является физическим и статусным барьером к общению с соседями на равных. В итоге появился термин «колонизации» горожанами сельской местности [Robinson 1990; Phillips 1993; Taylor 2011].

Будучи представителями среднего класса, бывшие горожане поднимают цены на рынке сельской недвижимости, делая ее недоступной для селян. Например, большая часть спроса на частные дома в сельских поселениях Англии принадлежит домовладельцам, которые работают за пределами села и покупают недвижимость в качестве летнего домика или дома, куда можно было бы переехать после выхода на пенсию [Shucksmith, Henderson, Raybould, Coombes, Wong 1995, p. 18]. Одновременно с этим многие сельчане не могут купить дома для своих взрослых детей, так как предложение со стороны рынка очень ограничено, а цены несопоставимы с сельскими зарплатами.

Однако ученые из Шотландии, основываясь на данных эмпирического исследования, утверждают, что обратная миграция не сильно влияет на рынок жилья. Кроме того, общие доходы сельского населения с приездом бывших горожан увеличиваются, появляются новые рабочие места, а также новые услуги по улучшению жилищных условий [Stockdale, Findlay, Short 2000].

Сам факт переезда порождает чувство «промежуточности положения» (*sense of between-ness*) [Marshall, Foster 2002]. Бывшие горожане продолжают тяготеть к досугово-развлекательной индустрии города с его ресторанами, кинотеатрами, кафе, магазинами и т.п. Соответственно, бывшие горожане воспринимают сельскую местность как место для ночлега, но не как пространство, где сконцентрирована их жизнь, и минимизируют ежедневные контакты с новым социальным окружением [Owen, Green 1992].

В результате обратной миграции появляются противоречия и конфликты между переселенцами и местными жителями. Лидеры сельского сообщества видят в бывших горожанах угрозу своему доминированию и нагнетают конфронтацию «местных» и «пришлых» [Murdoch, Lowe 2003; Löffler, Steinicke 2006]. Авторы некоторых исследований утверждают, что, несмотря на увеличение числа городских мигрантов, они редко признаются сельским обществом полноправными членами [Cloke, Thrift 1990; Halfacree 1997].

Мотивы обратной миграции

Почему люди хотят переехать из города в деревню? Традиционные теории миграции выделяют выталкивающие и притягивающие факторы (*push and pull*). К первым относится желание покинуть прежнее место жительства (неважно, каким будет новое место жительства, главное – распрощаться с предыдущим); ко вторым – намерение переезда в конкретное место, с которым связаны личные переживания и/или экономические интересы [Lee 1966]. Так, горожан могут «выталкивать» в село высокие цены на недвижимость в городе, трудности с поиском работы, чрезмерная стоимость жилищно-коммунальных услуг и т.п., а «притягивают» программы поддержки переселенцев (например, выдача участка земли, субсидии на строительство дома) или новая перспективная работа в сельской местности [Jong, Chamrathirong, Tran 2002].

Но экономическими соображениями дело не ограничивается. Обратная миграция может означать и возврат к культурно-экологическим ценностям [Marshall, Foster 2002; Покровский 2013; Cloke 2006; Panelli 2006]. Так, переезд из города в деревню может быть вызван желанием сменить стиль жизни, отказаться от некоторых городских привычек, изменить структуру потребления, быть ближе к природе и т.п. Люди уезжают из мегаполисов не только из-за проблем с работой, нехваткой средств на проживание, но и потому, что их терзают внутренние противоречия между навязанными ценностями общества потребления и их собственными взглядами на жизнь. В моду входит так называемая «простая жизнь» (*simple living / voluntary simplicity*), что означает отказ от материалистических ценностей городского образа жизни [Elgin 1993].

Это явление восходит к аномии как размыванию четких социальных норм [Дюркгейм 1994], а также несоответствию потребностей какой-либо социальной

группы и вариантов их удовлетворения [Мертон 2010]. В постиндустриальном пространстве люди стремятся найти свое сообщество, чтобы жить полноценной жизнью и испытывать чувство сопричастности к общему делу [Etzioni 1995]. Нередки случаи, когда переезд в сельскую местность обусловлен желанием соединиться с религиозными общинами или группами по интересам [Panelli 2006; Arnon, Shamai 2010].

Согласно эмпирическим исследованиям, проведенным в ряде западных стран, среди мотивов обратной миграции доминируют неэкономические причины, связанные с качеством и образом жизни. Например, в Великобритании бывшие горожане объясняют свой выбор качеством социальной среды в сельской местности, тишиной, спокойствием, менее криминогенной обстановкой [Halfacree 1994]. Голландские переселенцы ценят природные качества окружающей среды и сельского ландшафта [Heins 2004]. Поэтому для привлечения горожан на постоянное место жительства в сельскую местность голландские политики и архитекторы делают акцент на ландшафте, создают возможности заниматься садоводством. У граждан Ирландии другие предпочтения: они обращают больше внимания на состояние социальной инфраструктуры (больницы, детские сады, школы) и безопасность [Gkartzios, Scott 2009].

Что означает обратная миграция для России?

Как было сказано выше, обратная миграция началась около 40 лет назад в США и Европе. В СССР в 1970-е гг. мало кто из горожан думал о возвращении в деревню. Это был, безусловно, западный феномен.

Ситуация резко изменилась в 1990-е гг., когда стали проявляться плачевные результаты реформаторских усилий: в городах участились невыплаты заработных плат, людей отправляли в вынужденные отпуска, заводы и фабрики останавливались, росли цены. Прокормиться в деревне было легче, и село было идеальным «местом для укрытия». Кроме того, существовала возможность получить земельный надел, а позже и кредит для строительства дома. Тем не менее для многих переселенцев, особенно из бывших советских республик, село представляло собой лишь временное пристанище [Нефедова 2001].

В эти годы прекратился рост городского населения и увеличилась численность сельского населения. С одной стороны, положительная динамика объясняется возвратом статуса «сельского поселения» малым городам, с другой стороны – высоким уровнем миграции из зарубежья в сельские регионы России [Зайончковская 1997; Витковская, Зайончковская 1999; Население России 1999]. И хотя тенденция роста городского населения быстро восстановилась, обратная миграция в России 2000-х гг. стала пусть не массовым, но очевидно состоявшимся феноменом. Что лежит в его основе?

Мы выдвигаем две альтернативные гипотезы. Первая предполагает, что обратная миграция обусловлена преимущественно «выталкивающими» факторами и она не ведет к возрождению села: переселенцы, которые не смогли адаптироваться в городе, лишь пополняют класс бедных в сельской местности, выживающих за счет подсобного хозяйства. В худшем случае село получает поток люмпенов, которые не могут позволить себе законным способом зарабатывать деньги

и которые будут выстраивать жизнь в рамках узкого диапазона возможных вариантов, ограниченных пьянством и криминальными практиками. Вторая гипотеза состоит в том, что мигранты отдают предпочтение селу в силу внутренних убеждений, и их капитал (финансовый, человеческий, социальный, культурный) может изменить жизнь села, придать импульс его развитию.

Методология исследования

Наша цель – определить мотивацию миграции городского населения в сельскую местность, а также выявить ее последствия для социальной организации села. Кроме того, нам важно понять, при каких условиях это явление может стать массовым, есть ли будущее у обратной миграции в России.

Городские переселенцы в сельскую местность почти неуловимы в массовых количественных опросах; их мало, они рассеяны по всей территории страны и проживают далеко не в каждом населенном пункте. В результате они практически не попадают в базы данных Росстата, RLMS и других масштабных исследований населения страны. Поэтому мы вынуждены были собирать собственную базу для анализа, включая качественные и количественные данные.

Эта работа велась в течение 2012–2014 гг. в рамках двух проектов:

1) 2012–2013 гг. – президентский грант, выделенный Институтом общественного проектирования³;

2) 2014 г. – грант Российского гуманитарного научного фонда⁴.

Важно подчеркнуть, что проекты были нацелены на изучение потенциала аграрной трудовой миграции, то есть изначально фокусировались на связи переселения с развитием сельского хозяйства.

Базы данных

На первом этапе, в 2012 г., был проведен опрос экспертов, посвященный оценке потенциала и целесообразности обратной миграции горожан в сельскую местность. В форме интервью были опрошены 220 экспертов (195 регионального и 25 федерального уровня), среди которых *региональных экспертов* представляли сотрудники территориальных органов ФМС и региональных и муниципальных органов власти, руководители аграрных и перерабатывающих предприятий (холдингов), сотрудники территориальных органов службы занятости, служащие региональных организаций, занимающихся социальной адаптацией бывших военных, а *экспертов федерального уровня* – журналисты, освещающие проблемы сельского хозяйства, ученые, специализирующиеся на аграрной тематике и проблемах миграции, работники общественных организаций, служащие федеральных органов власти, члены профильных комитетов и советов при федеральных органах власти.

³ Руководитель проекта – д.с.н., профессор НИУ ВШЭ С.Ю. Барсукова.

⁴ Руководитель проекта – д.с.н., профессор НИУ ВШЭ С.Ю. Барсукова.

Среди основных вопросов, заданных экспертам, можно выделить вопросы об оценке проблем и рисков организации трудовой миграции в сельские территории; о готовности и возможностях инвесторов принять участие в финансировании (софинансировании совместно с государством) проектов, обеспечивающих условия для такой миграции; о категориях горожан, наиболее склонных к переезду; о текущих и перспективных возможностях формирования положительного образа городского переселения в сельскую местность.

На втором этапе, в 2013–2014 гг., сбор данных включал три направления:

1) Полуформализованные интервью с переселенцами из разных регионов страны (Московская, Владимирская, Смоленская, Иркутская, Рязанская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская области, Республика Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Хабаровский края). Всего было проведено 34 интервью.

Критерии отбора переселенцев были следующие:

- со времени переезда прошло не менее 2 лет (не рассматривается сезонное проживание: зимой – в городе, летом – в деревне);
- респонденты должны быть лицами, принимающими решения в своем домохозяйстве, то есть быть главами семей или основными кормильцами;
- наличие трудовой деятельности в сельской местности или проживание за счет подсобного хозяйства;
- члены семьи проживают вместе с респондентом в сельской местности;
- не менее половины респондентов должны вести собственный сельскохозяйственный бизнес (крестьяне, фермеры, владельцы ЛПХ, владельцы или руководители сельскохозяйственных или перерабатывающих предприятий).

Поиск переселенцев осуществлялся:

- через общественные организации, занимающиеся переселением на сельские территории;
- с помощью материалов о переселенцах в открытых источниках (СМИ, блоги, социальные сети, форумы⁵);
- методом «снежного кома», в том числе через переселенцев, отобранных первыми двумя способами.

Анализ интервью проводился с помощью Nvivo в процессе открытого, осевого и избирательного кодирования [Glaser 1978; Семенова 1998].

2) Анкетный опрос горожан (2013 г., n=1000). Для исследования использовалась многоступенчатая стратифицированная территориальная выборка, репрезентирующая совершеннолетнее городское население России. Теоретическая предельная ошибка общей выборки составляла 5%. Целью анкетного опроса было определение условий, при которых горожане поедут жить и работать в сельскую местность. При этом тестировалось влияние следующих условий на готовность совершить переезд:

- наличие готового рабочего места в сельской местности;
- уровень зарплаты в сельской местности;
- модернизация сельхозпроизводства;
- условия покупки или аренды жилья в сельской местности;
- выплата подъемных пособий;
- компенсация расходов, связанных с переездом;

⁵ Например, <http://derevnyaonline.ru>; <http://fermer.ru>; <http://iz-goroda-v-derevnyu.ru>; <http://novoeselo.blogspot.com/>; <http://www.goroda-derevni.ru> и др.

- льготное налогообложение;
- развитие различных аспектов инфраструктуры в сельской местности;
- бесплатное выделение земли и жилья.

3) Анкетный опрос горожан, потенциально склонных к переезду в сельскую местность (эти категории были выявлены в ходе экспертного опроса):

- городские безработные (n=300);
- лица раннего пенсионного и предпенсионного возраста (n=300);
- лица, принадлежащие к группам риска по занятости (жители моноэкономических районов, сокращаемые или недавно сокращенные сотрудники силовых структур) (n=300);
- недавние (после 1991 г.) переселенцы из села в город (n=300).

Было опрошено по 300 представителей этих групп; общий объем выборки – 1200 чел.

Анализ количественных данных осуществлялся с помощью программы SPSS. Главной целью было выделение социально-демографических характеристик потенциальных переселенцев и условий, при которых горожане могли бы переехать в сельскую местность.

Результаты исследования

Большинство переселенцев, согласившихся на интервью, переехали в сельскую местность после 2009 г., что в первую очередь было связано с «выталкивающим» эффектом экономического кризиса. И это отнюдь не «городские низы»: почти все имеют высшее образование, правда, не связанное с сельским хозяйством.

Материальное положение большинства респондентов после переезда, по их мнению, изменилось в лучшую сторону: на основе самоидентификации почти все респонденты отнесли себя к среднему классу, что повторяет результаты работ по обратной миграции многих западных исследователей [*Paniagua 2002; Cloke, Thrift 1990; Marsden 1993; Hoggart 1997*]. С одной стороны, сократились расходы на ЖКХ, на молочную и мясную продукцию (ввиду наличия собственного хозяйства), на досуг и развлечения. Последнее связано не столько с режимом экономии, сколько с изменением ценностей и потребностей. Впрочем, появились и новые расходы – на приобретение техники, семян, скота и прочее, то есть деньги стали не только тратиться, но и инвестироваться. С другой стороны, *доходы переселенцев диверсифицировались*. В городе респонденты за редким исключением имели только один источник дохода – заработную плату; в сельской же местности у каждого переселенца были два и более источников дохода, включая продажу продукции ЛПХ, доходы от фермерского хозяйства и т.д. Соответственно, переезд вызвал не просто рост или сокращение доходов и расходов, но *изменение потребительского поведения*.

Типология переселенцев

Анализ интервью позволяет утверждать, что переселенцы – неоднородная группа. Наша типология основана на различии мотивов, побудивших горожан к пере-

езду, а также той роли, которую они играют в экономической и социальной жизни села. Мы выделили четыре группы:

- пенсионеры,
- «программные» переселенцы,
- «беглецы»,
- искатели качественной жизни.

Пенсионеры

В западной литературе пенсионеры являются любимыми персонажами рассуждений на тему об обратной миграции. Выход на пенсию рассматривается как начало нового жизненного этапа, который для многих знаменуется переездом в сельскую местность [Carter, Cook, Weinberg 1997; Lehr, Jüchtern, Schmitt, Sperling, Fischer, Grünendahl, Minnemann 1998]. Подчеркивается активная роль пенсионеров в развитии сельской экономики, в том числе и в качестве предпринимателей [Green 2006; Quinn, Kozy 1996; Yeandle 2005]. Малый бизнес, фермерское хозяйство дают возможность пенсионерам самореализоваться в ситуации, когда прежние навыки не востребованы, а силы для активной жизни еще остались [Herslund 2012]. Кроме того, темп большого города становится для многих пенсионеров невыносимым, и чтобы восстановить баланс между личной жизнью и работой, они переезжают в деревню.

Чем же является переезд из города в сельскую местность для российских пенсионеров: новой возможностью или испытанием? У россиян, вышедших на пенсию, мотив переезда в сельскую местность обычно связан с сокращением доходов и невозможностью вести привычный образ жизни. Оплата жилищно-коммунальных услуг, транспорта, расходы на потребительские товары подталкивают пенсионера к пересмотру места жительства. В отличие от своих западных сверстников, наши пенсионеры работают в городе до последнего дня. Только увольнение по старости и невозможность найти новое место работы являются переломным моментом, после чего они готовы рассмотреть альтернативные варианты места жительства. Что касается организации собственного бизнеса, фермерского хозяйства, то ставки на пенсионеров делать не стоит. Фермерское хозяйство, собственный бизнес ассоциируются у пенсионеров с непомерным бременем забот и ответственности. Отсюда желание «подработать» в найме или обеспечить дополнительный доход от ЛПХ: огород становится главным дополнительным источником дохода, а излишки произведенной продукции раздаются родственникам или продаются соседям.

«Ну, я уже пенсионерка. Я-то на своем участке только работаю. А молодые могли бы создать фермерские места для пожилых, например. Я могла бы применить свой труд и опыт. Наняться к ним на работу!» (Алла, 64, Смоленская область).

«Р: На пенсию вышла. Тяжеловато. Попыталась устроиться тогда. Пенсионеров уже и не берут, никому пенсионер не нужен. <...> У меня свое хозяйство. У меня есть маленькая козочка...

И: Как реализуете свою продукцию?

Р: Это сложно. Да, бывают излишки той же картошки, допустим. Я детям отдала, и у меня осталась. Когда знакомые

приезжают, я им продаю. Хорошо бы, если бы приемный пункт картошки был какой-то» (Алла, 64 года, Смоленская область).

В отличие от западных сверстников российские пенсионеры-переселенцы слабо участвуют в социальной жизни села, в волонтерских движениях. Те, кто пытались организовывать клубы по интересам, обмениваться опытом, совместно решать бытовые проблемы, столкнулись с равнодушием соседей-односельчан. Например, переселенец из Челябинской области, бывший учитель математики, страдающий от одиночества, хотел бы бесплатно заниматься с сельскими детьми в школе или на дому. Он слышал о такой практике от своих бывших сослуживцев, которые проживают в Германии. Бывший учитель пробовал ходить в местную школу и развешивать объявления о репетиторстве, но отклика не было: *«наверное, люди не понимают, что помощь может быть вот такая... бесплатная»* (Валентин, 66 лет, Челябинская область).

Унаследованная от советских времен привычка надеяться после выхода на пенсию на государство и на помощь родственников жива и по сей день. Пенсионеры переезжают в сельскую местность в поисках тишины, чистого воздуха, но не нового предпринимательского опыта. Даже те пенсионеры, которые хотели бы организовать фермерское хозяйство, говорят о непомерных трудностях этого пути: нет информации, дешевых кредитов, программ поддержки и прочее. Ввиду этого пенсионерам остается лишь искать места подработки у крупных фермеров, трудиться в ЛПХ и сбывать остатки нереализованной продукции соседям и родственникам.

Переселенцы – участники программ поддержки переселения и заемщики

Некоторые переселенцы не выбирают место, а оно выбирает их. Это участники проектов, которые поддерживают переселение из города в деревню. Обычно эти программы состоят в выдаче субсидий, подъемных средств или льготного кредитования на покупку жилья или земли, техники или скота и охватывают лишь небольшие социальные группы: выпускников сельскохозяйственных институтов, молодых врачей и учителей, бывших соотечественников. Причем в субъектах Федерации существуют свои программы и ограничения на условия проектов федерального уровня.

«Как это было раньше? Раньше, когда молодой специалист приезжал в деревню, ему сразу предоставлялись жилье и подъемные. Сейчас даже на это не все молодые специалисты могут рассчитывать. Мы рассчитывали на подъемные молодым учителям, про которые все передают. <...> Но нет, нам ответили, что в Хакасии этот законопроект не действует. Только врачам выдаются...» (Ирина, 26 лет, Республика Хакасия).

Участниками таких программ в основном становятся люди, которые не могут найти работу и/или обзавестись собственным жильем в городе.

«И: Почему Вы переехали из города в село?»

Р: У нас появилась возможность приобрести собственное жилье по программе. <...> Программа называлась «Развитие села». Получили социальную выплату. Она, конечно, не покрыла

всю стоимость квартиры, всего 25%, но... Как бы такой хороший шанс появился приобрести. А в городе мы, наверное, до сих пор бы жили в съемной квартире вместе с родителями. <...> Окончательное решение приняли, когда нам пришел ответ, что мы попали в эту программу» (Марина, 25 лет, Иркутская область).

Однако, признавая безысходность и бесперспективность жизни в городе, что и подтолкнуло к переезду, респонденты стараются идеализировать свой выбор, представить его как реализацию давних мечтаний, о которых они, впрочем, еще недавно не догадывались.

«Ну, обстоятельства такие – я уволился с работы. И, не знаю, в торговом центре или на улице, мальчики ходили, дали листовку от банка, который поддерживает сельское хозяйство. Это и был толчок, искра к занятию сельским хозяйством. <...> [Прошло 10 минут разговора]. У меня же была мечта заниматься землей, сельским хозяйством, работать на себя и ни от кого не зависеть. Частный дом – не квартира. Занимаюсь чем хочу. Захотел – включил батарею, захотел – выключил...» (Владимир, 36 лет, Рязанская область).

Кредиты на покупку жилья в селе или на сельскохозяйственную деятельность «привязывают» людей к новому месту жительства, и даже при желании вернуться в город эта опция для многих переселенцев становится невозможной.

«И: А если через 2–3 года Вам или Вашему мужу из города поступит более выгодное положение, Вы переедете?»

Р: Мы не сможем. У нас ипотека на 15 лет. Мы год платим» (Ирина, 26 лет, Республика Хакасия).

«Программные переселенцы» осознают, что, по крайней мере, их поколение проживет всю жизнь в деревне. Однако, как показывают интервью, эти удерживающие обстоятельства не являются гарантом активного участия переселенцев в обустройстве села. Лишь немногие занимаются фермерским хозяйством, взаимодействуют с районной администрацией, иницируют строительство дорог и прочее. Такая пассивность вполне объяснима вынужденностью переселения, «привязкой к месту» силой финансовых обязательств.

Городские «беглецы»

Среди переселенцев выделяется группа принципиальных ниспровергателей городского уклада. Они бегут из города, который ассоциируется с «бездельничеством», «психологическим дискомфортом», «усталостью», «напрягающими неинтересными делами», «бессмыслицей», «сверхпотреблением» (определения взяты из интервью).

Мотивом к переселению является осознание того, что город и городской образ жизни полностью противоречат их целям и ценностям. Важно отметить, что многие «беглецы» были вполне обеспеченными и успешными в городе, однако чувствовали дискомфорт от того, что живут «не своей жизнью, а жизнью, навязанной обществом». Город истощил их и подтолкнул к бегству в другую реальность, в сельскую местность.

«Современный образ жизни – это стремление к выгоде. <...> Вот к чему наш народ приучают сейчас?.. Потреблять! Естественно, если раньше я ездил на джипе «Лэнд Крузер», когда раньше занимался коммерческой деятельностью, да? И ходил в дорогих пиджаках. Вроде, все при мне, но все не то. Сейчас я езжу на простом «Форде», стареньком, и я доволен. Весь смысл в том, чтобы понимать, что мы хотим» (Василий, 46 лет, Забайкальский край).

«Самое главное что еще? Человек должен понять, что он самодостаточен. В городе это нереально. <...> Там все за тебя решено» (Денис, 44 года, Алтайский край).

В отличие от пенсионеров и участников переселенческих программ, «беглецы» руководствуются неэкономической логикой: они готовы жертвовать экономическим благополучием во имя «гармонии с собой»; их миграция носит форму протеста против навязанных им образцов поведения. В пределе бегство из города может принимать форму мятежа, а мигранты уподобляются *бунтарям*, призывающим следовать их примеру и вернуться к базовым ценностям человечества.

Ярким примером отрицания городского образа жизни и возврата к «жизни на земле» является движение анастасийцев, сочетающее в себе экологическую и религиозную основу⁶. Но анастасийцы – это крайний случай, доведенная до логического предела модель «бегства» из города. Нашим респондентам порядок жизни, свойственный анастасийцам, кажется абсурдным, они не готовы к столь решительному разрыву с городской средой. При всей «антицивилизационной» риторике наши респонденты обращаются в медучреждения, отдают детей в городские школы, покупают технику на городском рынке, пользуются Интернетом, устраиваются на работу в госучреждения и бизнес-организации. Риторика ниспровергателей городского образа жизни сочетается с рациональным конструированием жизни, в котором находят примирение возможности села и города.

Горожане в поисках качественной жизни

Часть респондентов сводят мотив переезда не к тому, что «город – это плохо», а к тезису «село – это хорошо». Не город «выталкивает» этих переселенцев, а село «притягивает»: ими движет позитивный поиск «качественной жизни», «нового старта», «смены менталитета», «духовного богатства», что связывается с сельской местностью (определения из интервью). Их оценки переезда наиболее радужные: «жизни в больших скворечниках» они противопоставляют экологически чистые продукты, «свое молочко», «жизнь на земле». Подчеркнутый контраст между прежней и настоящей жизнью, гиперболизация достоинств сельского уклада необходимы для убеждения себя и окружающих в правильности выбора. Важно подчеркнуть, что обоснование переезда приводится не в терминах выгоды (допол-

⁶ Анастасийцы стремятся сажать растения в нераспаханную землю и, не ухаживая за ними, ждать, что природа сама наградит человека. Нельзя применять технику или инструменты; роды должны проходить дома и т.д. Поселения анастасийцев встречаются в разных регионах. Базовые идеи анастасийцев описаны в книге Владимира Мегрэ «Звонящие кедры России». Официальный сайт В. Мегрэ – www.vmegre.com/

нительные доходы, сокращение расходов и пр.), но исключительно как неэкономический прорыв к лучшей, «качественной жизни». Само слово «качественный» в речи респондентов согласуется с сельским укладом и является антитезой «количественному» взгляду на жизнь, свойственному городу.

«У меня был вариант. <...> Ситуация, когда я могла vybrать доход. <...> Ну, насколько, ну в 4 раза [больше] точно, чем сейчас я имею. И жить в Москве. <...> Мне есть куда выйти, сад. Мой уровень нагрузки, темп, уровень стресса. Я готова за меньшие деньги жить в такой среде. У меня была такая ситуация, и я выбрала деревню» (Ирина, 39 лет, Рязанская область).

«В принципе, я хотела поменять стиль жизни. В общем, как я понимаю, сельская жизнь – это не просто перемена места, а это перемена мировоззрения, перемена самооощущений» (Наталья, 59 лет, Московская область).

«Жить в селе полезнее: полезнее не сидеть целыми днями дома перед телевизором, полезнее воздух, полезнее собственно-ручно выращенные продукты питания, полезнее жить в своем доме, физический труд полезнее» (Людмила, 54 года, Рязанская область).

Поиск качественной жизни на сельских территориях, не сводимый в калькуляции сугубо стоимостных издержек и выгод, можно назвать «новой концепцией рациональности» [Покровский 2013]. Если обратиться к опыту европейских стран, то там тенденция к переселению в сельскую местность все чаще связывается с желанием изменить качество жизни [Stone, Stubbs 2007].

Что же конкретно переселенцы понимают под качеством жизни? Это совокупность социальных и экологических аспектов жизни в селе; причем самой популярной составляющей качественной жизни, помимо близости к природе и чистых продуктов, является **единение с семьей**. Респонденты рассказывали о том, что после переезда сельская жизнь и общий труд (например, фермерское хозяйство) сплотили семью.

«В городе я работал начальником аварийной службы. Там, как лето наступало, я детей видел только, не знаю, полчаса утром, наверное. Пока они собирались в садик, а я собирался на работу. Приходил – они уже спали. А сейчас мы все вместе трудимся целый день» (Мироян, 53 года, Иркутская область).

«У меня были проблемы с мужем. Росли долги, он не зарабатывал, и я хотела чуть ли не расходиться. Так вот сейчас вообще другой человек стал, взял на себя все заботы. Этот дом нас сдружил и сохранил. У нас детей нет, возраст солидный, а дом – как ребенок» (Наталья, 59 лет, Московская область).

«Раньше дружба была основана на каких-то ресторанах, спортивных развлечениях и еще каких-то занятиях. Это все отпадает, как ненужное. Основное – семья. Сельский образ жизни этому всему способствует. Сельский труд сближает семью» (Сергей, 43 года, Владимирская область).

«И: А что главное для Вас?»

Р: Семья. В селе постепенно понимаешь, что есть другие ценности в жизни» (Анна, 26 лет, Хабаровский край).

Важным слагаемым качественной жизни является и возможность видеть результат своей работы, почувствовать себя хозяином:

«Нам нравится – работать на СЕБЯ! Денег нет, но удовлетворение, по крайней мере, остается» (Мироян, 53 года, Иркутская область).

Р: Менталитет немножко другой стал. И тут, что мне нравится – быстрее видны результаты труда, что положительные, что отрицательные.

И: Где тут?

Р: В сельском хозяйстве. Что посеял, то и пожрал. Испытываешь физическое и моральное удовлетворение...» (Владимир, 36 лет, Рязанская область).

«Я почувствовала себя собственником, землевладельцем. <...> Теперь у меня есть независимость» (Наталья, 59 лет, Московская область).

Кроме того, критерием качественной жизни является взаимодействие с соседями, плотность социальных контактов. Если большинство горожан даже не знает своих соседей по лестничной клетке, то в сельской местности соседство порой приобретает формы сообщества.

«Просто здесь больше точек для соприкосновений, потому что общие дела возникают. Тот же снег чистим, обмениваемся услугами. У меня есть рассада, сосед ездит на рыбалку, привозит рыбы на всех. Такой момент есть. То есть здесь, ну, проще. <...> Ближе взаимодействие» (Светлана, 39 лет, Рязанская область).

Мы не можем на основе данных интервью судить о том, что одерживает победу в мотивах переселенцев – экономическая целесообразность или «новая рациональность» поиска качественной жизни. Но важно зафиксировать разнообразие мотивов, ведущих горожан по пути переезда в село: в сельской местности находят работу, тишину, дополнительные доходы, чистый воздух, сокращение расходов, связь с природой, соседские связи, возможности начать собственное дело и многое другое; но в этом списке каждый сам расставляет приоритеты. И если государство хочет регулировать процесс обратной миграции, то оно должно принять во внимание многообразие мотивационных типов переселенцев.

Идеализация сельской жизни

Переезд – это переломная точка, которая делит жизнь на «до» и «после», поэтому постоянные сравнения новых и старых возможностей, достоинств и недостатков сельской и городской жизни неизбежны, но так как переселение уже свершилось, то бывшие горожане пытаются убедить себя и окружающих в том, что переезд в деревню – это правильное решение. Интервью порой напоминали отповедь незримому оппоненту, а социолог ассоциировался с обобщенным горожанином. И чтобы быть более убедительными, респонденты идеализировали село и откровенно демонизировали город.

Первая и доминантная линия критики города и, соответственно, воспевания села – это экология, пространственный аспект:

«В квартире останемся, ни детям погулять, а там свой сад, огород. В городе дети сидят и сидят в квартире. А здесь детям занятие какое-то каждый день. Полезнее жить в своем доме. <...> Не засоряешь свой разум информацией, которая льется из телевизора или каких-то информационных источников, а живешь в реальности, вот. <...> Это самое основное» (Сергей, 43 года, Владимирская область).

Изменение в восприятии времени и системы планирования событий – еще одна линия сравнения в пользу села: город является символом суеты, а село – размеренности и стабильности. Кроме того, социальная организация города позволяет человеку удовлетворять свои потребности почти в любое время (будь то визит к врачу, покупка продуктов, встреча с друзьями и т.п.), тогда как в сельской местности ввиду неразвитости инфраструктуры приходится все планировать заранее. Как ни странно, такой тайм-менеджмент упорядочивает жизнь респондентов, позволяя им больше времени уделять своим интересам и своей семье.

«Нам очень понравилась тихая, размеренная жизнь. Время там идет гораздо медленнее, чем в городе» (Анна, 39 лет, Рязанская область).

«В цирке мы часто бываем, чаще, чем когда жили в городе. В городе все завтра и завтра...» (Мироян, 53 года, Иркутская область).

«В городе вечно суета: все торопятся, все злые. <...> С мужем встречались только вечером – 15 минут перед сном. В городе как говорят: много возможностей, куда сходить. <...> Но когда мы жили в городе, не хватало времени, чтобы куда-то сходить. Не находили времени, чтобы в то же самое кино сходить. <...> А живя здесь, в деревне, мы чаще выбираемся в ресторан и кинотеатр. Потому что просто запланировал и поехал» (Юлия, 26 лет, Забайкальский край).

Важно отметить, что в начале интервью респонденты транслировали довольно типичную картину сельской идиллии: чистый воздух, экологически чистые продукты питания, простор. Социолога они воспринимали как горожанина, которому нужно доказать, что он не прав в выборе места жительства. Однако, рассказывая о повседневной жизни, переселенцы уходили от романтических картинок и говорили о контрасте ожиданий и реальности, о трудностях адаптации. Опыт жизни в сельской местности (например, детство в селе, помощь по хозяйству родителям) был далеко не у всех, но даже у таких переселенцев наблюдался диссонанс между надеждами и действительностью. У тех же, кто имел лишь опыт дачника или знал о селе понаслышке, процесс адаптации проходил особенно тяжело и долго. Все без исключения переселенцы отмечали недостаток знаний и опыта для постройки дома, ведения хозяйства, ухода за птицей и скотом. Переселенцы неоднократно шутили по поводу стереотипного, искусственно сконструированного поэтами и художниками образа сельского мира. Также критически оценивали «сельский оптимизм» и представителей турфирм, риэлторов загородной недвижимости и любителей проводить отпуск в деревне. Как резонно отметил один из респондентов, *«миграция – это далеко не то же самое, что туризм».*

«Потом я пожелала [вести] домашнее хозяйство [разведение скота и растениеводство]. Оказалось, что все гораздо

тяжелее, чем на картинках и в Интернете. Это относится к физическому труду – все-таки тяжело. В городе пошел и все купил» (Анастасия, 26 лет, Забайкальский край).

«На первых этапах было трудно адаптироваться. Жизнь на селе и в городе сильно отличается. Особенно социальная сторона этого вопроса: отсутствие нормальных дорог, нормальных бытовых условий, тяжело очень было. Год-полтора ушло на адаптацию. <...> Отсутствие опыта – основная трудность» (Николай, 60 лет, Рязанская область).

Впрочем, несовпадения ожиданий и реальности свойственны не только российским переселенцам. Это отмечают и западные авторы, утверждающие, что образ сельской местности создается и распространяется людьми, не имеющими отношения к реальному селу [Halliday, Coombes 1995].

Однако каким бы ни был баланс тягот и преимуществ сельской жизни, переселенцы резюмируют, что выбор был правильным, иначе нужно решаться на возвращение в город, а это невозможно или очень проблематично. Удобнее и рациональнее в этой ситуации транслировать положительный образ сельской жизни, искать новые аргументы в незримой полемике с родственниками и городскими знакомыми.

«Переезд не до конца» как поиск компромисса между городом и селом

Для части переселенцев весьма типична модель поведения, которую можно назвать «переезд не до конца». Прежний городской опыт провоцирует постоянные сравнения города и деревни, и результаты этого сопоставления неоднозначны: многие переселенцы испытывают чувство неуверенности в правильности принятого решения о переселении в сельскую местность.

Годы, прожитые в городе, не могут в одночасье превратиться в воспоминания, они остаются в настоящем в виде привычек, требований к комфорту, в старинных друзьях и прочее. Это касается проведения досуга, навыков использования банковских карт и Интернета, посещения торговых центров и т.п. Слишком многое продолжает связывать переселенцев с городом, что отличает их от «коренных» селян. Некоторые фактически живут на два дома, что создает впечатление временности нахождения в селе. Например, женщина-пенсионерка, которая долго выбирала землю, копила деньги, потом около года строила дом, до сих пор живет в фургончике, не торопясь переезжать в новый дом. В селе ее все устраивает, ей нравится проводить время в огороде, общаться с местными жителями. Тем не менее все ее близкие живут в городе и переезжать не собираются, поэтому она считает, что часть ее жизни осталась в городе, что не позволяет ей «окончательно осесть» в новом месте.

Особенно сильно чувство временности сельской жизни у тех переселенцев, которые были «выдавлены» из города безработицей, дороговизной, жилищными проблемами. Они живут с чувством, что село для них является временным пристанищем, и надеются на возвращение, продолжая держать руку на пульсе городской жизни.

Конечно, тесная связь с городом характерна для всех селян – и для «коренных», и для недавних переселенцев. В городе покупаются стройматериалы, мебель, лекарства, рассада, корма для скота и многое другое, включая продукты пи-

тания, цены на которые непомерно высоки в сельских магазинах; в город ездят за медицинскими и нотариальными услугами, за административными разрешениями и согласованиями; в городе сбывается продукция, фермеры сдают финансовую и налоговую отчетность. Однако если «коренные» жители сел ездят в город как в иную реальность, испытывая при этом дискомфорт, раздражение и усталость, то недавние переселенцы наведываются туда как в свой бывший дом, где им все привычно и знакомо. Это обстоятельство имеет далеко идущие последствия: переселенцы не ограничивают контакт с городом необходимым минимумом, предпочитают тратить деньги в городе, пользоваться городской инфраструктурой вместо того, чтобы приложить усилия к созданию сельской альтернативы. Порой интервью оставляли впечатление, что некоторые переселенцы *не живут, а находятся* в селе, не пытаясь обустроить это место под свои нужды и не стараясь наладить отношения с сельчанами.

В этом состоит явный контраст с западной реальностью, где переселенцы из города являются основными «строителями» недостающих на селе рынков (*underdeveloped/fragmented markets and institutions*) [Stockdale, MacLeod, Philip 2013]. В то же время многие российские переселенцы используют имеющиеся сельские ресурсы (экологический чистый воздух, дешевые дома, спокойствие, близость к природе, выгодный бизнес и т.п.) как способ решения личных проблем. Если же чего-то в селе не хватает для полноценной жизни и работы, то переселенцы получают это в городе, тратя там заработанные в деревне деньги. Тем самым они консервируют неразвитость села, играя роль потребителей «тишины и экологии» и почти ничего не давая взамен своему новому дому; сельская жизнь для них носит характер *постоянной временности*. Вопрос «вернуться или остаться?» не утрачивает своей актуальности долгие годы: оставаться горожанином, живя в селе, – вот суть ситуации «переезда не до конца».

Противоположной тенденцией, связанной с переселенцами, является формирование *сообщества нового типа*, которое Н.Е. Покровский назвал «*сельско-городским*» [Покровский 2013]. В этом случае переселенцы исполняют роль двигателей прогресса, реформаторов села, поскольку они приехали «всерьез и надолго» и не намерены мириться с неудобствами сельской жизни. Городской опыт и привезенный капитал помогают бывшим горожанам видеть реальные потребности сельчан и инициировать изменения, тогда как сами сельчане предпочитают по привычке смириться с проблемой. В этом случае переселенцы являются инициаторами развития, объединяя вокруг себя сельское сообщество. Например, один из респондентов (Денис) несколько лет совместно с жителями алтайского села пытается построить подъездную дорогу от основной трассы. Когда он ездил смотреть дом (дело было весной), то просто не мог подъехать к селу. Переехав туда жить, Денис долго выяснял у городской администрации и местных жителей, почему никто не может построить дорогу. Ответ был очевидным – «денег нет». Тогда Денис стал писать письма в администрацию края, привлекая к делу соседей, которые сначала очень скептически относились к затее. Спустя год в районную администрацию поступили первые деньги, но их все равно было недостаточно. Тогда Денис вместе с сельчанами решил собственными силами прокладывать дорогу. По его словам, «*это, конечно, нереально. Качество не то. Выделенных денег хватает только на материалы. Не знаю, сможем ли осилить... Остается только верить и работать*». Заметим, что инициатива принадлежала бывшему горожанину, но к дальнейшей работе подключились сельчане.

Эта история является ярким примером того, какие положительные последствия может принести процесс обратной миграции. Но не будем лукавить, таких историй успешного реформирования села по инициативе бывших горожан в наших интервью было немного, однако важен сам факт таких инициатив.

Хотят ли россияне-горожане переезжать в сельскую местность? Результаты количественного опроса

Для того чтобы оценить готовность горожан уехать в сельскую местность, а также выявить те условия, которые подтолкнули бы людей к переезду или, наоборот, заставили бы их остаться жить в городе, весной 2013 г. был проведен анкетный опрос. В опросе приняли участие 1000 чел. (40% мужчин и 60% женщин) из восьми федеральных округов России⁷.

Намерения людей переехать в сельскую местность существенно зависят от создания *благоприятных условий труда и жизни*: так, оценивая нынешнюю ситуацию, 70% горожан не рассматривают возможности переезда, однако при создании благоприятных условий доля убежденных горожан сокращается до 50%. Важно отметить, что условия труда и жизни в сельской местности мало влияют на желание мигрировать тех горожан, которые не связывают переезд с работой в сельском хозяйстве (17% и 14% соответственно). Но для тех, кто думает о трудоустройстве в аграрном производстве, условия труда и жизни в сельской местности играют существенную роль, повышая долю желающих мигрировать в село с 13% до 32% (рисунок 1).

Рисунок 1. Намерения горожан переехать в сельскую местность (n=1000, %)

⁷ Мы оставляем в стороне вопрос о том, нуждается ли сельская экономика в массовой миграции из города. Мнения по этому поводу крайне противоречивые. Мы говорим исключительно о намерениях людей, о потенциале миграции из города в сельскую местность.

Итак, половина горожан не поедет в село независимо от условий переселения. На чем это основано? Респондентам, которые не рассматривают возможность переезда даже при «облагораживании» села, был задан вопрос о том, от каких преимуществ городской жизни они не могут отказаться. Оказывается, убежденные горожане превыше всего ценят развитую социальную инфраструктуру (школы, больницы, дома культуры и т.п.) (66%), а также коммунальные услуги (централизованное водо-, газо-, электроснабжение) (61%). Действительно, разрыв между городом и деревней в этом отношении колоссален. С другой стороны, заработная плата не попала в число основных «якорей» горожан (рисунок 2), и это противоречит стереотипу о том, что одним из главных удерживающих факторов в городе является высокая зарплата. Дело в том, что значимый разрыв в размере денежного вознаграждения наблюдается лишь между мегаполисами и селами, тогда как в большинстве небольших городов заработные платы не сильно отличаются от сельских. Напомним, что интервью с переселенцами, выходцами из областных центров (кроме Москвы), показали улучшение их материального положения после переезда в сельскую местность.

Рисунок 2. Условия городской жизни, от которых не могут отказаться респонденты, не намеренные мигрировать в село независимо от условий переселения (n=670, %, возможно несколько вариантов ответа)

Какие же условия могли бы сделать переезд более желательным? Потенциальным переселенцам были заданы вопросы о степени важности ряда условий для переселения в сельскую местность. Под потенциальными переселенцами мы понимаем тех, кто заявил о возможности переезда с последующим трудоустройством в сельском хозяйстве при создании благоприятных условий труда и жизни. Оказалось, что финансовая поддержка государства (выплата подъемных пособий и государственная компенсация расходов, связанных с переездом) представляется респондентам более важной мерой, чем льготные условия покупки или аренды жилья, модернизация сельского хозяйства и льготное налогообложение

(рисунок 3). То есть сам переезд рассматривается потенциальными переселенцами как затратное мероприятие, что сдерживает решимость осуществить этот шаг.

Рисунок 3. Оценка различных мер поддержки миграции в сельскую местность по мнению потенциальных переселенцев (n=320, %, возможно несколько вариантов ответа)

Заметим, что реальные переселенцы в интервью расставляли несколько иные приоритеты: самыми важными условиями переезда являлись наличие работы и предоставление жилой площади. Кроме того, переселенцы-предприниматели акцентировали внимание на проблемах налогообложения и условиях реализации сельскохозяйственной продукции. Но нынешние городские жители, которые пока не сталкивались с такими трудностями, придают меньшее значение этим вопросам. То есть мнения потенциальных и реальных переселенцев различаются. И пока человек судит о возможности переезда, сидя на диване в городской квартире, он актуализирует лишь первый шаг – собственно переезд, отсюда и важность компенсационных выплат и подъемных с точки зрения потенциальных переселенцев.

Очевидно, что *бесплатное выделение земли и жилья* является одним из ключевых обстоятельств, способных повлиять на интенсивность процесса переселения. Но что важнее для потенциальных переселенцев – бесплатное жилье или земля? Если предельно кратко резюмировать ответы респондентов, то жилье ставят выше земли (*таблица 1*). Видимо, для горожан, даже подумывающих о переезде, квадратные метры являются более привычной ценностью, чем земельные угодья.

Мы уже упоминали, что при создании благоприятных условий труда и жизни в сельской местности поток потенциальной обратной миграции возрастет. Но о каких условиях идет речь? О каких масштабах миграции можно говорить? Учитывая данные опроса по общероссийской репрезентативной выборке, мы приводим примерную оценку уровня потенциальной миграции в сельскую местность при создании определенных комбинаций условий (*таблица 2*). Базой для расчетов являются официальные статистические данные, согласно которым общая численность совершеннолетнего городского населения равняется 87 млн.

Таблица 1. Важность бесплатного выделения жилья и земли с точки зрения потенциальных переселенцев

	Насколько важно для вашего переезда в село бесплатное предоставление:	
	жилья	земли
Самое важное условие	56	41
Одно из наиболее важных условий	34	41
Не важнее других условий	6	11
Маловажное условие	2	5
Затрудняюсь с ответом	2	2

Таблица 2. Доля и абсолютное количество городского населения, которое может принять участие в аграрной трудовой миграции при выполнении определенных условий

Комбинация условий	%	млн чел.
Наличие всех условий: подготовленное рабочее место, уровень зарплаты не ниже городского, выплата подъемных пособий, компенсация расходов на переезд, модернизация сельхозпроизводства, льготное налогообложение, льготные условия покупки или аренды жилья, централизованное водо-, газо-, электроснабжение, магазины, образовательные и здравоохранительные учреждения, дороги, бесперебойное сообщение с городом, Интернет	29	25
1. Все вышеперечисленные условия, кроме централизованного водо- и газоснабжения	8	7
2. Все вышеперечисленные условия, кроме выравнивания зарплат в селе и городе	5	4
3. Все вышеперечисленные условия, кроме централизованного водо-, электро- и газоснабжения	4	3,5
4. Все вышеперечисленные условия, кроме централизованного водо- и газоснабжения, учреждений образования	3	2,5
5. Все вышеперечисленные условия, кроме централизованного водо- и газоснабжения, учреждений здравоохранения и образования	1	1
6. Все вышеперечисленные условия, кроме выравнивания зарплат в селе и городе, централизованного водо- и газоснабжения	1	1
7. Все вышеперечисленные условия, кроме централизованного водо- и газоснабжения, учреждений образования, модернизации сельского хозяйства	<1	<1
8. Все вышеперечисленные условия, кроме модернизации сельского хозяйства, выравнивания зарплат в селе и городе	<1	<1

Итак, потенциал обратной миграции довольно велик: при существенных инвестициях в условия труда и жизни на селе число переселенцев может достигнуть 25 млн чел. В случае не просто льготного, а бесплатного выделения земли и/или жилья (и в первую очередь жилья), поток мигрантов может быть еще больше. Однако трудно надеяться на то, что все эти условия будут выполнены в ближайшем будущем.

Очевидно, что чем больше условий не выполняется, тем меньше доля населения, способного принять участие в аграрной трудовой миграции. Россияне-горожане проявляют особую чувствительность к уровню зарплаты и степени модернизации сельскохозяйственного производства. При отсутствии модернизации производства и сохранении разрыва зарплат между городом и деревней количество мигрантов радикально минимизируется, составив менее 1 млн чел., и это при наличии коммунальных услуг, льготного жилья, социальной инфраструктуры и пр. То есть для потенциальных мигрантов, которые ориентированы на работу в сельском хозяйстве, условия труда и уровень зарплаты важнее бытовых благ (люди готовы автономно решать проблемы водо- и газоснабжения).

Таким образом, в России есть немало людей, проживающих в городах, но готовых уехать на постоянное место жительства в сельскую местность. Их число возрастает при наличии в селах определенных условий для комфортной жизни и работы. При выполнении ряда условий почти половина горожан готова переехать, при этом 32% горожан намерены работать в сельском хозяйстве и 17% горожан ориентированы на неаграрную деятельность. Но список условий выглядит почти фантастическим: подготовленное рабочее место, зарплата не ниже городского уровня, подъемные пособия, компенсация расходов на переезд, модернизация сельскохозяйственного производства, льготные налогообложение и условия покупки или аренды жилья, централизованное водо-, газо-, электроснабжение, магазины, образовательные и здравоохранительные учреждения, дороги, бесперебойное сообщение с городом, доступ к Интернету. В случае предоставления этих условий участниками аграрной трудовой миграции станут **25 млн** чел. Если из списка условий исключить централизованное водо- и газоснабжение, на село с последующим трудоустройством в сельском хозяйстве готовы переселиться лишь **7 млн** чел., а если не модернизировать сельское хозяйство, оставить его на нынешнем уровне и сохранить отставание сельских зарплат от городских, то поедут менее **1 млн**.

Целевые группы как потенциальные доноры миграции в сельскую местность

Помимо общероссийского опроса горожан (1000 чел.), был проведен опрос целевых групп, выделенных экспертами как наиболее вероятных участников миграции из города в село. К ним относятся:

- 1) городские безработные;
- 2) лица раннего пенсионного и предпенсионного возраста (50–65 лет);
- 3) лица, принадлежащие к группам риска по занятости (жители моноэкономических районов, сокращаемые или недавно сокращенные сотрудники силовых структур);

4) недавние (после 1991 г.) переселенцы из села в город.

Действительно ли эти группы отличаются повышенной склонностью к переезду в сельскую местность? На какой тип занятости они ориентированы в случае миграции? Какова специфика их требований к условиям переезда? Для ответа на эти вопросы мы провели целевой опрос выделенных групп (по 300 чел., всего 1200 респондентов).

Опрос показал, что наиболее склонны к переезду в сельскую местность городские безработные, а также уволенные (ожидающие увольнения) силовики и жители моноэкономических районов (таблица 3). В этих группах о переезде как о способе решения проблем думают 35% и 42% соответственно. При этом силовики в случае переезда ориентированы преимущественно на деятельность, не связанную с сельским хозяйством. Самыми «проаграрными» потенциальными переселенцами, нацеленными на работу в сельском хозяйстве, оказались молодые пенсионеры и городские безработные.

Таблица 3. Соотношение респондентов, рассматривающих и не рассматривающих возможность участия в аграрной трудовой миграции в настоящий момент (%)

	Нет, я не рассматриваю возможности переезда в село и работы в сельском хозяйстве	Да, я думаю о переезде в село и трудоустройстве в сельском хозяйстве	Да, я думаю о переезде в село, но не связываю переезд с сельским хозяйством	Затрудняюсь с ответом
Общероссийская выборка горожан, n=1000	73	10	14	3
Целевые группы:				
городские безработные, n=300	65	16	15	4
уволенные или ожидающие увольнения силовики, жители моноэкономических районов, n=300	58	16	21	4
молодые пенсионеры или люди предпенсионного возраста, n=300	71	17	10	2
сельские жители, переехавшие в город после 1991 г., n=300	70	14	14	2

В случае предоставления благоприятных условий труда и быта доля принципиальных противников переселения в сельскую местность сокращается во всех группах без исключения (таблица 4), при этом резко возрастает потенциал миграции с трудоустройством в сельском хозяйстве. Если в нынешней ситуации лишь молодые пенсионеры выбирают аграрную занятость, то при создании устраивающих

Таблица 4. Готовность к участию в аграрной трудовой миграции, если будут созданы устраивающие респондента условия (%)

	Нет, переезд в село невозможен в любом случае	Да, в таком случае переезд и трудоустройство в сельском хозяйстве возможны	Да, возможен переезд в село, но не работа в сельском хозяйстве	Затрудняюсь с ответом
Общероссийская выборка горожан n=1000	54	29	15	2
Целевые группы:				
городские безработные, n=300	45	31	22	2
уволенные или ожидающие увольнения силовики, жители моноэкономических районов, n=300	34	39	25	2
молодые пенсионеры или люди предпенсионного возраста, n=300	55	29	14	2
сельские жители, переехавшие в город после 1991 г., n=300	45	35	19	1

Таблица 5. Условия городской жизни, от которых не могут отказаться респонденты, не намеренные принимать участие в миграции в село (%) (Возможны несколько вариантов ответа)

	Все горожане	Городские безработные	Уволенные силовики и жители моноэкономических районов	Молодые пенсионеры и лица предпенсионного возраста (50–65 лет)	Сельские жители, переехавшие в город после 1991 г.
Развитая социальная инфраструктура	61	69	71	65	72
Коммунальные услуги	58	69	70	64	64
Высокая зарплата	41	39	56	31	50
Территориальная близость друзей и родственников	43	41	48	49	41
Безлимитный Интернет	24	33	36	16	29
Другое	9	9	10	8	7

условий труда и быта все без исключения целевые группы предпочитают работу в сельском хозяйстве. Другими словами, создание условий труда и быта не только увеличивает число потенциальных мигрантов в село, но и меняет их трудовую ориентацию, повышая привлекательность аграрного труда.

Что же «держит» в городе тех, кого наши эксперты назвали «донорами миграции» в сельскую местность? Все они высоко ценят социальную инфраструктуру города и городские коммунальные услуги, но между группами есть и отличия. Так, уволенные или ожидающие увольнения силовики не могут отказаться от города как источника высоких заработков; каждый третий не может отказаться и от безлимитного Интернета, который важен и для безработных. А вот молодые пенсионеры и лица предпенсионного возраста наиболее равнодушны и к высоким городским заработкам, и к безлимитному Интернету, но высоко ценят город за территориальную близость друзей и родственников (таблица 5).

Заключение

Многочисленные западные исследования на тему обратной миграции утверждают, что ее участники оказывают позитивное влияние на социально-экономическую организацию сельских районов. Специалисты подчеркивают значимость экономического, социального и человеческого капитала переселенцев, отводя им роль драйверов изменений в сельской местности. Мигранты становятся связующим звеном между сельским и городским, локальным и глобальным. Но работает ли такая логика в России?

Анализ интервью с переселенцами показал, что в основном из города в сельскую местность переезжают представители среднего класса, у многих из которых уже был опыт проживания в селе. Основным видом занятости для большинства переселенцев является труд в личном подсобном хозяйстве или организация фермерского хозяйства. Альтернативные виды занятости в сфере услуг, о которых много говорят западные исследования, среди опрошенных респондентов почти не наблюдаются.

Переезд в большинстве случаев был спровоцирован экономическими условиями, сложившимися в городе, что вынудило переселенцев искать лучшую жизнь в сельской местности. Неспособность поддерживать городские потребительские стандарты ввиду ограниченных ресурсов и справляться с рисками городской жизни являются главными причинами, способствующими обратной миграции в России. Лишь «городские беглецы» решились на переезд по идейным соображениям, решительно разорвав с городским образом жизни. Но вынужденные переселенцы не хотят признаваться в том, что город «выдавил» их, и выстраивают логику оправдания своих действий, объясняя переезд неэкономическими мотивами. Хотя, как показывают интервью, многие «плюсы» сельской жизни начинают осознаваться уже после переезда.

Однако из факта вынужденного переезда не следует, что все переселенцы живут в деревне в ожидании возможности вернуться в город: с одной стороны, переселенцы постепенно находят в новом положении массу преимуществ; с другой, финансовые обязательства перед банками и государством, а также вложенные в хозяйство силы и деньги удерживают переселенцев от возвращения в город.

Но, даже решив вопрос в пользу села, они не становятся активными субъектами обновления сельской жизни: переселенцы, скорее, находятся в селе, чем живут там. Они пользуются сельскими преимуществами (экология, доходы от ЛПХ и прочее), дополняя их возможностями, которые предоставляет город. В разрез с западными утверждениями о том, что городские переселенцы «урбанизируют» сельскую жизнь, российские мигранты из города в село синтезируют эти пространства; они предпочитают сочетать возможности города и села, чем привносить в свой новый дом городские практики.

Таким образом, природа обратной миграции в России во многом идет вразрез с опытом обратной миграции в западных странах. Тем не менее процесс запущен, и у него есть большой потенциал. При создании благоприятных условий, фактически уравнивающих город и село по уровню комфортности, на миграцию в село согласились бы около 25 млн россиян. Однако при отсутствии модернизации сельхозпроизводства и сохранении разрыва зарплат между городом и деревней количество мигрантов радикально минимизируется, составляя менее 1 млн чел. В этом диапазоне будет варьировать миграционная активность горожан. Актуализация потенциала обратной миграции зависит от ресурсных возможностей и реальных действий государства в этом направлении.

Литература

- Витковская Г., Зайончковская Ж. (1999) Новая сталинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Московский Центр Карнеги. С. 80–121.
- Дюркгейм Э. (1994) Самоубийство: Социологический этюд (пер. с франц. А.Н. Ильинского). М.: Издательство «Мысль».
- Зайончковская Ж.А. (1997) Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. Институт географии РАН. Ставропольский Государственный Университет. Центр изучения российских земель журнала «Ваш выбор». Вып. 3. М. С. 30–37.
- Мертон Р.К. (2010) Социальная структура и аномия // Социология власти. № 4. С. 212–223.
- Насибуллин Р.Т. (1990) Миграция из города в деревню // Социологические исследования. № 3. С. 75–78.
- Нефедова Т.Г. (2001) Сельское население и сельское хозяйство к концу XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ. С. 316–333.
- Нефедова Т.Г. (2003) Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2014) Неформальность на рынке труда М.: ВШЭ.
- Покровский Н.Е. (2013) Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // Социологические исследования. № 4. С. 13–23.
- Семенова В.В. (1998) Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет.
- Alexandersson G, Falk T. (1974) Changes in the Urban Pattern of Sweden 1960–1970: the Beginning of a Return to Small Urban Places? // Geoforum, no 18, pp. 87–92.
- Arnon S., Shamai S. (2010) Community Life as a Motive for Migration from the Urban Center to the Rural Periphery in Israel // Journal of Community Psychology, vol. 38, no 6, pp. 706–728.
- Bealer R., Willets E., Kuvlesky W. (1965) The Meaning of «Rurality» in American Society // Rural Sociology, no 30, pp. 255–266.

- Berry B.J.L. (1976) The Counterurbanization Process: Urban America since 1970 // *Urban Affairs Annual Reviews*, no 11, pp. 17–30.
- Bosworth G. (2010) Commercial Counterurbanisation: an Emerging Force in Rural Economic Development // *Environment and Planning A*, vol. 42, no 4, pp. 966–981.
- Bosworth G., Atterton J. (2012) Entrepreneurial In-migration and Neo-endogenous Rural Development // *Rural Sociology*, vol. 77, no 2, pp. 254–279.
- Carter M.A., Cook K., Weinberg C. (1997) Planning and Expectations of the Retirement Experience // *Educational Gerontology: An International Quarterly*, vol. 23, no 3, pp. 273–288.
- Champion A. (1989) *Counterurbanization*. London: Edward Arnold.
- Champion A. (1992) Urban and Regional Demographic Trends in the Developed World // *Urban Studies*, no 29, pp. 461–482.
- Chell E., Baine S. (2000) Networking, Entrepreneurship and Microbusiness Behaviour // *Entrepreneurship and Regional Development*, no 12, pp. 195–215.
- Cloke P., Thrift N. (1990) Class and Change in Rural Britain // Marsden T., Lowe P., Whatmore S. (eds.) *Rural Restructuring*. London: Fulton.
- Cross D.F. (1990) *Counterurbanization in England and Wales*. Aldershot: Avebury.
- Elgin D. (1993) Voluntary simplicity: Toward a Way of Life that is Outwardly Simple, Inwardly Rich. New York: William Morrow.
- Etzioni A. (1995) *Rights and the Common Good: the Communitarian Perspective*. New York: St. Martin's Press.
- Falk W., Pinhey T. (1978) Making Sense of the Concept Rural and Doing Rural Sociology: an Interpretive Perspective // *Rural Sociology*, no 43, pp. 547–558.
- Fielding A.J. (1989) Migration and Counterurbanization in Western Europe since 1950 // *Geographical Journal*, no 155, pp. 60–69.
- Frey W.H., Johnson K.M. (1998) Concentrated Immigration, Restructuring and the 'Selective' Deconcentration of the United States Population // Boyle P., Halfacree K. (eds.) *Migration into Rural Areas, Theories and Issues*. Wiley: Chichester, pp. 79–106.
- Gilbert J. (1982) Rural Theory: the Grounding of Rural Sociology // *Rural Sociology*, no 47, pp. 609–633.
- Gkartzios M., Scott M. (2009) Planning for Rural Housing in the Republic of Ireland: From National Spatial Strategies to Development Plans // *European Planning Studies*, vol. 17, no 12, pp. 1751–1780.
- Glaser B.G. (1978) *Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory (Vol. 2)*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Green A. (2006) Employment and the Older Person in the Countryside // Lowe P., Speakman L. (eds.) *The Ageing Countryside: The Growing Older Population of Rural England*. London, pp. 94–118.
- Haas T. (1990) Leaving Home: Circumstances Affecting Rural America During the Last Decade and their Impact on Public Education // *Peabody Journal of Education*, vol. 67, no 4, pp. 7–28.
- Halfacree K.H. (1994) The Importance of 'the Rural' in the Constitution of Counterurbanization: Evidence from England in the 1980s // *Sociologia Ruralis*, vol. 34, no 2–3, pp. 164–189.
- Halfacree K. (1997) 'Contrasting Roles for the Post-Productivist Countryside: a Postmodern Perspective on Counterurbanisation // Cloke P., Little J. (eds.) *Contested Countryside Cultures: Rurality and Socio-cultural Marginalisation*, London: Routledge, pp. 70–93.
- Halliday J., Coombes M. (1995) In Search of Counterurbanisation: Some Evidence from Devon on the Relationship Between Patterns of Migration and Motivation // *Journal of Rural Studies*, no 11, pp. 433–446.
- Heins S. (2004) Rural Living in City and Countryside: Demand and Supply in the Netherlands // *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 19, no 4, pp. 391–408.
- Herslund L. (2012) The Rural Creative Class: Counterurbanisation and Entrepreneurship in the Danish Countryside // *Sociologia Ruralis*, vol. 52, no 2, pp. 235–255.
- Hoggart K. (1997) Rural Migration and Counterurbanization in the European Periphery: the Case of Andalusia // *Sociologia Ruralis*, vol. 37, no 1, pp. 134–153.
- Hugo G., Bell M. (1998) The Hypothesis of Welfare-Led Migration to Rural Areas: the Australian Case // Boyle P., Halfacree K. (eds.) *Migration into Rural Areas, Theories and Issues*. Wiley, Chichester, pp. 107–133.

- Jong G.F., Chamrathirong A., Tran Q.G. (2002) For Better, For Worse: Life Satisfaction Consequences of Migration // *International Migration Review*, vol. 36, no 3, pp. 838–863.
- Keeble D., Nachum L. (2002) Why Do Business Service Firms Cluster? Small Consultancies, Clustering and Decentralisation in London and Southern England // *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 27, pp. 67–90.
- Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. (1986) Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // *The Professional Geographer*, vol. 38, no 2, pp. 170–181.
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration // *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Lehr U., Jüchtern J.C., Schmitt M., Sperling U., Fischer A., Gründahl M., Minnemann E. (1998) Anticipation of and Adjustment to Retirement // *Aging Clinical and Experimental Research*, vol. 10, no 5, pp. 358–367.
- Löffler R., Steinicke E. (2006) Counterurbanization and its Socioeconomic Effects in High mountain areas of the Sierra Nevada (California/Nevada) // *Mountain Research and Development*, vol. 26, no 1, pp. 64–71.
- Loretto W., White P. (2006) Population Ageing and Older Workers: Employers' Perceptions, Attitudes and Policies // *Population, Space and Place*, vol. 12, no 5, pp. 341–352.
- Marsden T. (1998) New Rural Territories // *Journal of Rural Studies*, no 14, pp. 107–114.
- Marshall J., Foster N. (2002) "Between Belonging": Habitus and the Migration Experience // *The Canadian Geographer/Le Géographe canadien*, vol. 46, no 1, pp. 63–83.
- Mitchell C. (2004) Making Sense of Counterurbanization // *Journal of Rural Studies*, no 20, pp. 15–34.
- Moen P., Fields V., Quick H., Hofmeister H. (2000) A Life-Course Approach to Retirement and Social Integration // Pillemer K., Moen P., Wethington E., Glasgow N. (eds.) *Social Integration in the Second Half of Life*. Johns Hopkins, Baltimore, pp. 75–107.
- Murakami K., Gilroy R., Atterton J. (2009) Planning for the Ageing Countryside in Japan: The Potential Impact of Multi-Habitation // *Planning, Practice & Research*, vol. 24, no 3, pp. 285–299.
- Murdoch J. (2000) Networks – a New Paradigm of Rural Development? // *Journal of Rural Studies*, no 16, pp. 407–419.
- Murdoch J., Lowe P. (2003) The Preservationist Paradox: Modernism, Environmentalism and the Politics of Spatial Division // *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 28, no 3, pp. 318–332.
- OECD (2006). The New Rural Paradigm: Policies and Governance // http://www3.unisi.it/cipas/ref/OECD_2006_Rural_Paradigm.pdf
- Owen D., Green A. (1992) Migration Patterns and Trends // Champion A., Fielding A. (eds.) *Migration Processes and Patterns* (Vol. 1). London: Belhaven Press, pp. 17–40.
- Panelli R. (2006) Rural Society // Cloke P., Marsden T., Mooney P.H. (eds.) *Handbook of Rural Studies*. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 63–90.
- Paniagua A. (2002) Counterurbanisation and New Social Class in Rural Spain: The Environmental and Rural Dimension Revisited // *The Scottish Geographical Magazine*, vol. 118, no 1, pp. 1–18.
- Phillips M. (1993) Rural Gentrification and the Processes of Class Colonization // *Journal of Rural Studies*, vol. 9, no 2, pp. 123–140.
- Quinn J., Kozy M. (1996) The Role of Bridge Jobs in the Retirement Transition: Gender, Race and Ethnicity // *The Gerontologist*, vol. 36, no 3, pp. 363–372.
- Ray C. (2006) Neo-Endogenous Development in the EU // Cloke P., Marsden T., Mooney P.H. (eds.) *Handbook of Rural Studies*. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 278–291.
- Reeder R.J. (1998) "Retiree-Attraction Policies for Rural Development" // *Agriculture Information Bulletin* No 741, Food and Rural Economics Division. Economic Research Service, US Department of Agriculture, Washington, DC.
- Residents of Farms and Rural Areas: 1991 // *Current Population Reports*, US Department of Agriculture, US Department of Commerce, Washington.
- Robinson G. (1990) *Conflict and Change in the Countryside*. Rural Society, Economy and Planning in the Developed World. Belhaven Press.
- Sassen S. (2001) *The Global City*. New York, London, Tokyo. Princeton University Press.
- Serow W.J. (2003) Economic Consequences of Retiree Concentrations: A Review of North American Studies // *The Gerontologist*, vol. 43, no 6, pp. 897–903.
- Short J. (1978) Residential Mobility // *Progress in Human Geography*, no 2, pp. 419–447.

- Shucksmith M., Henderson M., Raybould S., Coombes M., Wong C. (1995) A Classification of Rural Housing Markets in England. London: HMSO.
- Simmel G. (1995) The Metropolis and Mental Life // *Metropolis: Centre and Symbol of Our Times*. London: Macmillan.
- Stockdale A. (2006) Migration: Pre-requisite for Rural Economic Regeneration? // *Journal of Rural Studies*, no 22, pp. 354–66.
- Stockdale A., Findlay A., Short D. (2000) The Repopulation of Rural Scotland: Opportunity and Threat // *Journal of Rural Studies*, vol. 16, no 2, pp. 243–257.
- Stockdale A., MacLeod M., Philip L. (2013) Connected Life Courses: Influences on and Experiences of ‘Midlife’ In-Migration to Rural Areas // *Population, Space and Place*, vol. 19, no 3, pp. 239–257.
- Stone I., Stubbs C. (2007) Enterprising Expatriates: Lifestyle Migration and Entrepreneurship in Rural Southern Europe // *Entrepreneurship and Regional Development*, no 19, pp. 433–450.
- Taylor L. (2011) No Boundaries: Exurbia and the Study of Contemporary Urban Dispersion // *GeoJournal*, vol. 76, no 4, pp. 323–339.
- United Nations (1969). Growth of the World’s Urban and Rural Population, 1920–2000 // *Population Studies*, no 44.
- White P. (1990) Labour Migration and Counterurbanisation in France // Johnson J., Salt J. (eds.) *Labour Migration: The Internal Geographical Mobility of Labour in the Developed World*. London: David Fulton Publishers, pp. 99–114.
- Yeandle S. (2005) *Older Workers and Work-Life Balance*. York: Joseph Rowntree Foundation.
-
-

Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of “Counter-urbanisation” in Modern Russia

V. ZVYAGINSEV*, M. NEUVAZHAEVA**

***Vasily Zvyagintsev** – PhD, Chief Executive, Land Regulation and Development Union. Address: 8/2 Roshinskii St., Moscow, 115419, Russian Federation. E-mail: zvi@roszemproekt.ru

****Maria Neuvazhaeva** – Advisor, Ernst & Young LLC. Address: bldg. 1, 77 Sadovnicheskaya quay, Moscow, 115035, Russian Federation. E-mail: m.neuvazhaeva@gmail.com

Citation: Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. (2015) Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of “Counter-urbanisation” in Modern Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101–135 (in Russian)

Abstract

This article critically analyses the process of counter-urbanisation in Russia, and presents the results of an empirical investigation with regard to the motives which drive urban populations to migrate to rural regions, the conditions of this process, and ways in which it affects rural communities.

Existing studies show that in Western developed countries counter-urbanisation usually has a positive effect on the socio-economic situation of rural regions. It appears to be especially the case during demographic and economic declines. It has also been established that the main motive for migration to rural areas is mostly of a non-economic nature.

However, our findings show that the process of counter-urbanisation in Russia is inherently different from that observed in Western developed countries. Russian urbanites are forced to migrate to rural areas mainly for economic reasons. Moreover, the process of counter-urbanisation in Russia is still in its developmental stage. On the one hand, the extreme dependence of rural areas on nearby cities makes it impossible for migrants to fully immerse themselves in rural life. On the other hand, such migrants constantly wonder whether life in a countryside is actually better than it was in the cities they left. Such hesitation forces migrants to give up on their long-term plans to stay in the countryside and eventually return to the city.

The empirical data for this study were collected in 13 Russian regions by means of interviews with 220 experts and 1000 urban dwellers. These interviews also reveal that a better economic situation in the Russian countryside could possibly attract more people to migrate from the cities. The experts tended to express more scepticism with regard to the possible benefits of such 'artificial' migration by means of improving economic situation.

Keywords: counter-urbanisation, rural areas, migrants, motives, consequences of counter-urbanisation, urban fugitive, retirees, new quality of life, resettlement programme recipients, rural-urban communities

References

- Alexandersson G, Falk T. (1974) Changes in the Urban Pattern of Sweden 1960–1970: the Beginning of a Return to Small Urban Places? *Geoforum*, no 18, pp. 87–92.
- Arnon S., Shamai S. (2010) Community Life as a Motive for Migration from the Urban Center to the Rural Periphery in Israel. *Journal of Community Psychology*, vol. 38, no 6, pp. 706–728.
- Bealer R., Willets E., Kuvlesky W. (1965) The Meaning of 'Rurality' in American Society. *Rural Sociology*, no 30, pp. 255–266.
- Berry B.J.L. (1976) The Counterurbanization Process: Urban America since 1970. *Urban Affairs Annual Reviews*, no 11, pp. 17–30.
- Bosworth G. (2010) Commercial Counterurbanisation: an Emerging Force in Rural Economic Development. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 4, pp. 966–981.
- Bosworth G., Atterton J. (2012) Entrepreneurial In-migration and Neo-endogenous Rural Development. *Rural Sociology*, vol. 77, no 2, pp. 254–279.
- Carter M.A., Cook K., Weinberg C. (1997) Planning and Expectations of the Retirement Experience. *Educational Gerontology: An International Quarterly*, vol. 23, no 3, pp. 273–288.
- Champion A. (1989) *Counterurbanization*, London: Edward Arnold.
- Champion A. (1992) Urban and Regional Demographic Trends in the Developed World. *Urban Studies*, no 29, pp. 461–482.
- Chell E., Baine S. (2000) Networking, Entrepreneurship and Microbusiness Behaviour. *Entrepreneurship and Regional Development*, no 12, pp. 195–215.
- Cloke P., Thrift N. (1990) Class and Change in Rural Britain. *Rural Restructuring* (eds. Marsden T., Lowe P., Whatmore S.), London: Fulton.
- Cross D.F. (1990) *Counterurbanization in England and Wales*, Aldershot: Avebury.

- Durckheim E. (1994) *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a Sociological Study], Moscow: Mysl’.
- Elgin D. (1993) *Voluntary Simplicity: Toward a Way of Life that is Outwardly Simple, Inwardly Rich*, New York: William Morrow.
- Etzioni A. (1995) *Rights and the Common Good: the Communitarian Perspective*, New York: St. Martin’s Press.
- Falk W., Pinhey T. (1978) Making Sense of the Concept Rural and Doing Rural Sociology: an Interpretive Perspective. *Rural Sociology*, no 43, pp. 547–558.
- Fielding A.J. (1989) Migration and Counterurbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, no 155, pp. 60–69.
- Frey W.H., Johnson K.M. (1998) Concentrated Immigration, Restructuring and the ‘Selective’ Deconcentration of the United States Population. *Migration into Rural Areas, Theories and Issues* (eds. Boyle P., Halfacree K.), Wiley: Chichester, pp. 79–106.
- Gilbert J. (1982) Rural Theory: the Grounding of Rural Sociology. *Rural Sociology*, no 47, pp. 609–633.
- Gimpel’son V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds.) (2014) *Neformal’nost’ na rynke truda* [Informality in the Labour Market], Moscow: HSE.
- Gkartzios M., Scott M. (2009) Planning for Rural Housing in the Republic of Ireland: From National Spatial Strategies to Development Plans. *European Planning Studies*, vol. 17, no 12, pp. 1751–1780.
- Glaser B.G. (1978) *Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory* (Vol. 2), Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Green A. (2006) Employment and the Older Person in the Countryside. *The Ageing Countryside: The Growing Older Population of Rural England* (eds. Lowe P., Speakman L.), London, pp. 94–118.
- Haas T. (1990) Leaving Home: Circumstances Affecting Rural America During the Last Decade and their Impact on Public Education. *Peabody Journal of Education*, vol. 67, no 4, pp. 7–28.
- Halfacree K.H. (1994) The Importance of ‘the Rural’ in the Constitution of Counterurbanization: Evidence from England in the 1980s. *Sociologia Ruralis*, vol. 34, no 2–3, pp. 164–189.
- Halfacree K. (1997) ‘Contrasting Roles for the Post-Productivist Countryside: a Postmodern Perspective on Counterurbanisation. *Contested Countryside Cultures: Rurality and Socio-cultural Marginalisation* (eds. Cloke P., Little J.), London: Routledge, pp. 70–93.
- Heins S. (2004) Rural Living in City and Countryside: Demand and Supply in the Netherlands. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 19, no 4, pp. 391–408.
- Herslund L. (2012) The Rural Creative Class: Counterurbanisation and Entrepreneurship in the Danish Countryside. *Sociologia Ruralis*, vol. 52, no 2, pp. 235–255.
- Hoggart K. (1997) Rural Migration and Counterurbanization in the European Periphery: the Case of Andalucia. *Sociologia Ruralis*, vol. 37, no 1, pp. 134–153.
- Hugo G., Bell M. (1998) The Hypothesis of Welfare-Led Migration to Rural Areas: the Australian Case. *Migration into Rural Areas, Theories and Issues* (eds. Boyle P., Halfacree K.), Wiley, Chichester, pp. 107–133.
- Jong G.F., Chamrathirong A., Tran Q.G. (2002) For Better, For Worse: Life Satisfaction Consequences of Migration. *International Migration Review*, vol. 36, no 3, pp. 838–863.
- Keeble D., Nachum L. (2002) Why Do Business Service Firms Cluster? Small Consultancies, Clustering and Decentralisation in London and Southern England *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 27, pp. 67–90.
- Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. (1986) Counterurbanization in the Federal Republic of Germany. *The Professional Geographer*, vol. 38, no 2, pp. 170–181.
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Lehr U., Jüchtern J.C., Schmitt M., Sperling U., Fischer A., Grünendahl M., Minnemann E. (1998) Anticipation of and Adjustment to Retirement. *Aging Clinical and Experimental Research*, vol. 10, no 5, pp. 358–367.
- Löffler R., Steinicke E. (2006) Counterurbanization and its Socioeconomic Effects in High mountain areas of the Sierra Nevada (California/Nevada). *Mountain Research and Development*, vol. 26, no 1, pp. 64–71.

- Loretto W., White P. (2006) Population Ageing and Older Workers: Employers' Perceptions, Attitudes and Policies. *Population, Space and Place*, vol. 12, no 5, pp. 341–352.
- Marsden T. (1998) New Rural Territories. *Journal of Rural Studies*, no 14, pp. 107–114.
- Marshall J., Foster N. (2002) "Between Belonging": Habitats and the Migration Experience. *The Canadian Geographer/Le Géographe canadien*, vol. 46, no 1, pp. 63–83.
- Merton R. (2010) Sotsialnaya struktura i anomiya. [Social Structure and Anomie] *Sotsiologiya vlasti*, no 4, pp. 212–223.
- Mitchell C. (2004) Making Sense of Counterurbanization. *Journal of Rural Studies*, no 20, pp. 15–34.
- Moen P., Fields V., Quick H., Hofmeister H. (2000) A Life-Course Approach to Retirement and Social Integration. *Social Integration in the Second Half of Life* (eds. Pillemer K., Moen P., Wethington E., Glasgow N.), Baltimore: Johns Hopkins, pp. 75–107.
- Murakami K., Gilroy R., Atterton J. (2009) Planning for the Ageing Countryside in Japan: The Potential Impact of Multi-Habitation. *Planning, Practice & Research*, vol. 24, no 3, pp. 285–299.
- Murdoch J. (2000) Networks – a New Paradigm of Rural Development? *Journal of Rural Studies*, no 16, pp. 407–419.
- Murdoch J., Lowe P. (2003) The Preservationist Paradox: Modernism, Environmentalism and the Politics of Spatial Division. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 28, no 3, pp. 318–332.
- Nasibullin R. (1990) Migratsiya iz goroda v derevnyu [Migration from the City to the Rural Area]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 75–78.
- Nefedova T. (2001) Goroda Yevropeyskoy Rossii v kontse XIX veka. Gorod i derevnya v Yevropeyskoy Rossii: sto let peremen. [Cities of European Russia in the Late XIX Century. City and Countryside in European Russia: a Hundred Years of Changes] IG RAN. M.: OGI, pp. 316–333.
- Nefedova T. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputye: Geograficheskiye ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- OECD (2006). The New Rural Paradigm: Policies and Governance. Available at: http://www3.unisi.it/cipas/ref/OECD_2006_Rural_Paradigm.pdf, accessed 14 June 2013.
- Owen D., Green A. (1992) Migration Patterns and Trends. *Migration Processes and Patterns* (Vol. 1) (eds. Champion A., Fielding A.), London: Belhaven Press, pp. 17–40.
- Panelli R. (2006) Rural Society. *Handbook of Rural Studies* (eds. Cloke P., Marsden T., Mooney P.H.), Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 63–90.
- Paniagua A. (2002) Counterurbanisation and New Social Class in Rural Spain: The Environmental and Rural Dimension Revisited. *The Scottish Geographical Magazine*, vol. 118, no 1, pp. 1–18.
- Phillips M. (1993) Rural Gentrification and the Processes of Class Colonization. *Journal of Rural Studies*, vol. 9, no 2, pp. 123–140.
- Pokrovskiy N. (2013) Tendentsii kletochnoi globalizatsii v selskikh soobshchestvakh sovremennoi Rossii: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Trends of Cell Globalization in Rural Communities in Modern Russia: Theoretical and Applied Aspects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 13–23.
- Quinn J., Kozy M. (1996) The Role of Bridge Jobs in the Retirement Transition: Gender, Race and Ethnicity. *The Gerontologist*, vol. 36, no 3, pp. 363–372.
- Ray C. (2006) Neo-Endogenous Development in the EU. *Handbook of Rural Studies* (eds. Cloke P., Marsden T., Mooney P.H.), Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 278–291.
- Reeder R.J. (1998) "Retiree-Attraction Policies for Rural Development". *Agriculture Information Bulletin No 741, Food and Rural Economics Division. Economic Research Service, US Department of Agriculture*, Washington, DC.
- Residents of Farms and Rural Areas: 1991. *Current Population Reports, US Department of Agriculture, US Department of Commerce*, Washington.
- Robinson G. (1990) *Conflict and Change in the Countryside. Rural Society, Economy and Planning in the Developed World*. Belhaven Press.
- Sassen S. (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton University Press.
- Semenova V.V. (1998) *Kachestvennyye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative Methods: an Introduction to Humanistic Sociology], Moscow: Dobrosvet.

- Serow W.J. (2003) Economic Consequences of Retiree Concentrations: A Review of North American Studies. *The Gerontologist*, vol. 43, no 6, pp. 897–903.
- Short J. (1978) Residential Mobility. *Progress in Human Geography*, no 2, pp. 419–447.
- Shucksmith M., Henderson M., Raybould S., Coombes M., Wong C. (1995) *A Classification of Rural Housing Markets in England*, London: HMSO.
- Simmel G. (1995) The Metropolis and Mental Life. *Metropolis: Centre and Symbol of Our Times*, London: Macmillan.
- Stockdale A. (2006) Migration: Pre-requisite for Rural Economic Regeneration? *Journal of Rural Studies*, no 22, pp. 354–66.
- Stockdale A., Findlay A., Short D. (2000) The Repopulation of Rural Scotland: Opportunity and Threat. *Journal of Rural Studies*, vol. 16, no 2, pp. 243–257.
- Stockdale A., MacLeod M., Philip L. (2013) Connected Life Courses: Influences on and Experiences of ‘Midlife’ In-Migration to Rural Areas. *Population, Space and Place*, vol. 19, no 3, pp. 239–257.
- Taylor L. (2011) No Boundaries: Exurbia and the Study of Contemporary Urban Dispersion. *GeoJournal*, vol. 76, no 4, pp. 323–339.
- United Nations (1969). Growth of the World’s Urban and Rural Population, 1920–2000. *Population Studies*, no 44.
- Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh. (1999) Novaya stolypinskaya politika na Dalnem Vostoke Rossii: nadezhdy i realii [New Stolypin’s Policy in the Far East of Russia: Hopes and Realities]. *Perspektivy Dalnevostochnogo regiona: mezhsranovyye vzaimodeystviya* [Prospects of the Far East Region: International Interactions] (eds. Vitkovskaya G., Trenin D.), Moscow: Moskovskii Tsentr Karnegi, pp. 80–121.
- White P. (1990) Labour Migration and Counterurbanisation in France. *Labour Migration: The Internal Geographical Mobility of Labour in the Developed World* (eds. Johnson J., Salt J.), London: David Fulton Publishers, pp. 99–114.
- Yeandle S. (2005) *Older Workers and Work-Life Balance*, York: Joseph Rowntree Foundation.
- Zayonchkovskaya Zh. (1997) Migratsii naseleniya Rossii: noveyshiye tendentsii [Migration of the Population in Russia: Recent Trends]. *Problemy rasseleniya: istoriya i sovremennost* [Problems of Settlement: History and Modernity]. Vol. 3, Moscow, pp. 30–37.